

Кандрина Елена Геннадьевна,
Аспирант кафедры гражданского права,
Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия
Kandrina Elena Gennadievna,
Postgraduate student of the Civil Law Department,
Russian State University of Justice,
Moscow, Russia

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ
ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В РОССИИ
LEGAL REGULATION OF BRINGING TO SUBSIDIARY LIABILITY
OF PERSONS CONTROLLING A DEBTOR FOR THE OBLIGATIONS
OF A LEGAL ENTITY IN RUSSIA**

Аннотация: На основании изученных теоретических основ субсидиарной ответственности и проанализированной судебной практики поднимаются вопросы, касательно оснований привлечения к субсидиарной ответственности по долгам должника-юридического лица, определены тенденции правового регулирования данного института. На основании проведенного исследования, автор приходит к выводу о законодательном закреплении разграничение убытков и субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и определения четких критерий, при наступлении которых применяется субсидиарная ответственность.

Ключевые слова: контролирующее должника лицо, юридическое лицо, деликтные обязательства, субсидиарная ответственность, кредитор, должник, добросовестность, разумность, вред, причинение вреда, несостоятельность.

История развития института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц имеет непродолжительную историю в отечественной доктрине гражданского права. Формирование соответствующей практики началось в середине 2000-х гг. Институт ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве в настоящее время является стремительно развивающимся, что обусловлено намерениями законодателя защитить добросовестных участников гражданского оборота от недобросовестных действий лиц, которые прямо или опосредовано имеют контроль над должником. В 2009 г. в Федеральном законе от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – закон о банкротстве) появляется понятие «контролирующее должника лицо».

В отечественной литературе субсидиарная ответственность за доведение должника до банкротства нередко рассматривается как аналог зарубежной доктрины «снятие корпоративной вуали» или как ее еще называют, доктрина «срывания корпоративных покровов».

В 2013 г. была проведена реформа института субсидиарной ответственности, в результате которой законодательно был закреплен ряд правовых презумпций, призванных упростить процесс доказывания при рассмотрении споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Кроме этого, немаловажным было закрепление возможности еще до завершения расчетов с кредиторами установить вину контролирующих лиц посредством промежуточного судебного акта, тогда как вопрос о размере таковой ответственности определить позднее на последующих этапах рассмотрения дела о банкротстве.

На институт субсидиарной ответственности помимо изменений, непосредственно внесенных в закон о банкротстве, повлияло реформирование гл. 4 ч. 1 ГК РФ в рамках Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации в 2013-2014 гг.

Институт субсидиарной ответственности начал развиваться только в конце 20 века, в силу чего имеется не так много работ, направленных на исследование данного института, особенно в условиях постоянного его совершенствования.

Изучению вопросов субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве посвящены современные работы А.В. Егорова, С.А. Карелиной, И.А. Клепицкого, М.В. Телюкиной, И.С. Шиткиной, О. Р. Зайцева, Р. Т. Мифтахутдинова, И. Ю. Рыкова, В. А. Канашевского, Е. Д. Суворова и др.

Юридические лица в российском законодательстве являются самостоятельными субъектами права, что обусловлено одним из главных принципов в сфере регулирования деятельности юридических лиц- принципом ограниченной ответственности юридического лица, согласно которому юридическое лицо не несет ответственности по долгам иных лиц, в том числе своих участников (учредителей). Юридическое лицо не отвечает по долгам учредителей (участников), равно как и участники (учредители), по общему правилу, не несут ответственности по долгам компании.

Институт юридического лица рожден потребностями гражданского оборота и наряду с техническими достижениями обеспечил стремительное экономическое развитие цивилизации [7].

Стремительное развитие указанного института обусловлено тем, что правовая конструкция юридического лица позволяет переложить предпринимательский риск в виде возможных имущественных потерь непосредственно на само юридическое лицо, что, в свою очередь, достигается обособлением имущества юридического лица от имущества его участников (учредителей). Иными словами, конструкция юридического лица базируется на принципах имущественной обособленности, автономии воли юридического лица, ограниченной ответственности.

Вместе с тем, одним из главных принципов гражданского права является восстановление нарушенных прав потерпевшего. В связи с этим в доктрине и практике выработаны исключения из общего правила ограниченной ответственности юридического лица. Случаи, когда контролирующее должника лицо несет ответственность по долгам юридического лица в доктрине, в российской и зарубежной практике, получили название «снятие корпоративной вуали» или «прокалывание корпоративной вуали».

Нередко, контролирующее юридическое лицо субъекты используют конструкцию юридического лица как защиту от личных имущественных потерь.

Вместе с тем, когда действия контролирующего юридического лица субъектов выходят за рамки добросовестности и разумности, а конструкция юридического лица используется для противоправных действий, мошенничества, ухода от уплаты налогов и так далее, считается, что юридическое лицо не обладает самостоятельностью, а является «продолжением» своих участников.

Создавая юридическое лицо лишь для вида, с целью уклонения реальных выгодоприобретателей от имущественной ответственности, последние тем самым прикрывают «корпоративной вуалью» свою личную имущественную ответственность за совершенные через юридическое лицо действия.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» возникла в XX в. в американской судебной практике, суть которой заключается в том, что в целях защиты добросовестных кредиторов юридического лица-должника при определенных обстоятельствах принцип ограниченной ответственности игнорируется, а причиненные убытки взыскиваются с реальных владельцев бизнеса, или по-другому, конечных бенефициаров.

В отечественной доктрине и практике имеется нерешенный вопрос, является ли субсидиарная ответственность самостоятельной ответственностью, дополнительной или является разновидностью деликтной ответственности. Представляется для того, чтобы ответить на указанный вопрос, необходимо проанализировать заложенные законодателем юридические конструкции деликтной и субсидиарной ответственности.

Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

Обязательства вследствие причинения вреда в доктрине традиционно именуется деликтными обязательствами (от лат. *delictum* – правонарушение). Деликтное обязательство тождественно понятию деликтной ответственности.

Традиционными условиями возникновения деликтных обязательств являются:

- причинение вреда лицу и (или) его имуществу;
- противоправность причинителя вреда;
- наличие причинно-следственной связи между действиями лица и наступившими неблагоприятными последствиями.

Отсутствие одного из элементов влечет невозможность взыскания убытков.

Из вышеуказанного видно, что одним из элементов деликтной ответственности является причинение вреда лицу и (или) его имуществу, которое может выражаться в действии или бездействии.

В связи с этим, неотъемлемой частью данного элемента является определение момента причинения вреда, что обуславливает определение момента возникновения деликтного обязательства. Невозможность определения момента причинения вреда нивелирует возникновение деликтного обязательства в целом.

Пунктом 2 Постановления №53 определено при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности субсидиарно по отношению к нормам закона о банкротстве подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ, то есть Верховный Суд РФ исходит из деликтной природы субсидиарной ответственности [6].

В основе субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов лежат неправомерные действия контролирующих должника лиц, которые могут выражаться в совершении сделок, которые причиняют вред кредиторам, утраты или искажении бухгалтерских документов, которые были необходимы для формирования конкурсной массы, возникновении долгов в связи с совершением налоговых, административных, уголовных правонарушений.

При попытке соотнести традиционную деликтную ответственность с субсидиарной, которая находит свое детальное отражение в законе о банкротстве, выявляется ряд противоречий, которые не позволяют сделать однозначный ответ о том, что субсидиарная ответственность является разновидностью деликтной. Различия правовой природы деликтной и субсидиарной ответственности также отмечает Суворов Е. Д [9].

Допустим, что субсидиарная ответственность является разновидностью деликтной ответственности, следовательно, для ее применения необходимо соблюдение всех условий ее возникновения: наличие вреда, противоправности действий причинителя вреда, причинно-следственной связи.

Предположим, что при доведении компании до банкротства под вредом понимается ущемление имущественных прав кредиторов при недостаточности имущества несостоятельного должника и невозможности удовлетворения требований кредиторов в полном объеме в силу названной причины.

Однако в данном случае становится неопределенным момент, когда происходит данное нарушение имущественных прав кредиторов: в момент появления такого кредитора, в момент совершения действий, которые уменьшают имущественную массу должника – юридического лица, либо же в момент завершения расчетов с кредиторами по результатам проведенной процедуры и определения конечного размера неудовлетворенных требований кредиторов должника. Вред и его размер должны быть предвидимыми. Однако без процедуры банкротства, окончательного формирования конкурсной массы и определения количества кредиторов должника, а, следовательно, определения размера непогашенных требования, невозможно определить момент нарушения прав кредиторов.

Кроме того, при деликтной ответственности должно быть лицо, которому причинен вред, т.е. потерпевший. В силу специфики отношений несостоятельности в рассматриваемом случае к указанным лицам могут быть отнесены кредиторы должника и сам должник.

Закон о банкротстве устанавливает субсидиарную ответственность за невозможность погашения требований кредиторов, т.е. конечным приобретателем по требованию о привлечении контролирующих должника лиц является кредитор (-ы) должника.

Таким образом, относя к потерпевшим кредиторов должника, необходимо ответить на закономерный вопрос о том, кто именно относится к указанным кредиторам: существующие на момент совершения противоправных действий или же которые возникнут к моменту расчетов с кредиторами.

Если предположить, что таковыми являются кредиторы на момент совершения противоправных действий, то применение субсидиарной ответственности по требованиям иных кредиторов, которые возникли после совершения указанных действий, становится невозможным, тогда как требования кредиторов, которые существовали на момент совершения противоправных действий, могут быть погашены по итогам процедуры.

Иными словами, возникает ситуация, когда в целом неправомерные действия контролирующих лиц повлекли недостаточность имущества, которые в свою очередь сделали невозможным расчеты с кредиторами, обязательства с которыми возникли после совершения указанных действий. Подобное применение субсидиарной ответственности фактически приводило бы к невозможности защиты независимых и добросовестных кредиторов от недобросовестных и неразумных действий контролирующих должника лиц.

Если же относить к потерпевшим кредиторов, требования которых остались непогашенными по итогам формирования конкурсной массы и расчетов, то тогда, применяя конструкцию деликтной ответственности, непосредственно противоправные действия, которые повлекли невозможность удовлетворения требований кредиторов, будут совершаться ранее, чем появится лицо, которому указанными действиями причинен вред. В такой ситуации на момент совершения противоправных действий отсутствовал бы один из обязательных элементов деликтной ответственности, как причинение вреда лицу и (или) его имуществу, т.е. отсутствовал потерпевший.

Вышеуказанное не позволяет в теории сделать вывод о том, что субсидиарная ответственность является по своей правовой природе деликтной ответственностью или ее разновидностью, т.к. на момент совершения противоправных действий контролирующими лицами фактически отсутствует вред, его размер, фигура потерпевшего, а также причинно-следственная связь.

Однако на практике, согласно правовым позициям Верховного Суда РФ, заявление о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве является групповым косвенным иском, который объединяет в себе требования правового сообщества должника к контролирующим лицам, цель которого компенсация последствий их неправомерных действий, которые привели к невозможности полного погашения требований кредиторов должника.

Выделение института субсидиарной ответственности позволяет стандартизировать и упростить процесс доказывания по данным спорам, а также позволяет выделить особенность данного института – порядок определения размера ответственности виновного лица.

При наличии подобных различий остается неизменной генеральная идея данных видов ответственности – возмещение вреда. Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходит из взаимозаменяемого и взаимодополняемого характера рядового требования о возмещении убытков и требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Определение применяемой ответственности (убытки или субсидиарной ответственности) находится в зависимости от того, довело ли контролирующее лицо своими действиями юридическое лицо до несостоятельности (банкротства) или нет. Иными словами, данные виды ответственности носят по отношению к друг другу зачетный характер. Фактически определение данного обстоятельства зависит от усмотрения суда, его внутреннего убеждения и восприятия действий контролирующих лиц в масштабе деятельности должника.

Однако последствия данного применения являются существенными, так как субсидиарная ответственность не погашается даже в случае завершения процедуры банкротства соответствующего контролирующего лица.

Полагаю закрепленный критерий разграничения двух вышеуказанных видов ответственности абстрактным, размытым, что может порождать противоречие в судебной практике при его применении. Наступлению банкротства предшествует множество различных факторов, как объективных внешних, так и внутренних, к которым, в том числе, относятся действия контролирующих лиц, в связи с этим, в этой совокупности факторов иногда достаточно трудно установить тот, который повлек банкротство должника.

В связи с этим предлагается законодательно закрепить разграничение убытков и субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, определить четкие критерии, при наступлении которых применяется субсидиарная ответственность, к которым можно отнести следующее:

- контролирующие лица допускали смешение имущества должника со своим имуществом, пользовались имуществом должника как своим, то есть пренебрегали принципом имущественной обособленности юридического лица;

- нарушение контролирующим лицом установленных в компании процедур при принятии значимых для компании решений, например, согласование крупной сделки или сделки с заинтересованностью;

- злоупотребление формой юридического лица, принципом ограниченной ответственности в своих личных интересах

Помимо вышеуказанных качественных критериев, необходимо ввести количественный критерий, а именно причинение должнику ущерба в размере 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества.

Полагаю, данный количественный критерий в полной мере согласуется с разъяснениями пункта 19 Постановления № 53, согласно которому лицо подлежит привлечению к субсидиарной ответственности не только за непосредственное доведение должника до банкротства, но и за создание ситуации существенного ухудшения финансового состояния должника.

Первым видом ответственности является субсидиарная ответственность за доведение до банкротства, которая регламентирована в статье 61.11 Закона о банкротстве. Указанная статья вводит ряд правовых презумпций, которые определяют юридические факты, при наличии которых презюмируется наличие вины контролирующих должника лиц. При введении указанных презумпций законодатель преследовал цель облегчить процесс доказывания заявителям, обратившимся с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, тем самым перекладывая бремя доказывания на привлекаемое лицо.

Законодателем выделены следующие правовые презумпции:

- совершение, одобрение контролирующим лицом сделок, которые причиняют существенный вред правам кредиторов, в том числе сделки, которые относятся к оспоримым в соответствии со статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве.

- утрата или искажение бухгалтерских документов, которое привело к существенному затруднению проведения процедур, применяемых в рамках дела о банкротстве.

Затруднительность проведения процедур может проявляться в следующих аспектах: невозможность выявления активов должника, его контрагентов, невозможность проведения анализа совершенных сделок должника ввиду отсутствия документации и иные факторы, которые так или иначе повлияли на процесс формирования конкурсной массы должника. Ключевым аспектом в данном случае является именно отсутствие тех или иных документов, которое повлекло невозможность пополнения имущественной массы должника. Обязанность доказывания причинно-следственной связи между отсутствием документов и наступившими последствиями лежит на заявителе.

Для применения указанной презумпции доведения до банкротства необходимо соблюдение двух условий: наличие вступившего решения о привлечении должника к административной, уголовной, налоговой ответственности и задолженность, которая возникла в результате совершения этих правонарушений или была выявлена в ходе производства по делам об этих правонарушениях, составляет более 50% требований кредиторов третьей очереди [8].

Утрата или искажение учредительных и иных корпоративных документов компании, которые должник обязан хранить в силу закона. Например, данный перечень содержится в статье 50 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и статьях 89. 91 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Однако, для применения презумпции доведения до банкротства, необходимо доказать, что это, как и с бухгалтерскими документами, повлекло существенное затруднение проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве: на дату возбуждения дела о банкротстве не внесены подлежащие обязательному внесению в соответствии с федеральным законом сведения либо внесены недостоверные сведения о юридическом лице. К таким сведениям относится информация о признаках недостаточности имущества, о лицензиях, о введении процедуры банкротства, о размере уставного капитала, о результатах обязательного аудита и т.д.

Второе самостоятельное основание для привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренное статьей 61.12 Закона о банкротстве – неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд (созыву заседания для принятия решения об обращении в арбитражный суд с заявлением должника или принятию такого решения) в случаях и в срок, которые установлены статьей 9 Закона о банкротстве.

Фактически правовая природа субсидиарной ответственности по данному основанию сводится к нарушению контролирующими должника лицами информационной обязанности по информированию кредиторов о финансовом положении должника, которые, заблуждаясь в его платежеспособности, вступали в обязательственные отношения, и которые, в конечном итоге, должником не были исполнены или исполнены частично, что привело к нарушению имущественных прав кредиторов.

Иными словами, наличие указанного основания для привлечения к субсидиарной ответственности стимулирует контролирующих должника лиц не умалчивать о проблемах должника перед вступлением в новые обязательства. Руководитель и конечные бенефициары как бы берут на себя риск введения кредитора в заблуждение: теперь они отвечают перед ним, так как не раскрыли имеющую для него значение информацию.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: от 12 декабря 1993 года: по состоянию на 21.07.2020 г. // «Российская газета». – 1993. – № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: по состоянию на 11 марта 2024 г. // «Российская газета». – 1994. – № 238-239.
3. Об акционерных обществах: Федеральный закон № 208-ФЗ от 26.12.1995 года: по состоянию на 25 декабря 2023 г. // «Российская газета». – 1995. – № 248.
4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 127-ФЗ от 26 октября 2002 года: по состоянию на 05.04.2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
5. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон № 14-ФЗ от 08.02.1998 года: по состоянию на 13 июня 2023 г. // «Российская газета». – 1998. – № 30.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Российская газета». – 2017. – № 297
7. Егоров А.В. Исковая давность по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве // Вестник гражданского права. 2021. №4. С. 132-153.
8. Иванова С.П., Земляков Д.Н., Баранников АЛ. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учебное пособие. М.: Юстиция. 2018, С. 32
9. Суворов Е.Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов // Закон. 2018. № 7. С. 50

